

Глава 32. Исцеляющее снадобье

Тунлин

Прошёл месяц с тех пор, как Бай Мэн прибыла в Тунлин. Отдача от Знамени призыва душ оказалась жестокой: её облик изменился настолько, что теперь она осмеливалась выходить в город за провизией лишь под покровом густой вуали. Всё остальное время она пряталась в заброшенном Храме Небесной Девы в предместьях Тунлина. Там, используя томящиеся в Знамени призыва душ души, она исцеляла пилюли для Бай Линя, надеясь восполнить недостающие частицы духа своего брата.

— Кха-кха...

Бай Мэн надрывно закашлялась. На белом платке вновь расцвели алые пятна. Сюэ-айэр сочувственно потерся о её руку, глядя на неё с неприкрытой тревогой.

После того рокового обратного удара магического артефакта здоровье девушки пошатнулось. В последние дни она тратила слишком много сил на алхимию, и её духовная энергия была практически на исходе.

Она ласково погладила Сюэ-айэр по голове и прошептала:

— Всё хорошо, я не умру. Вот закончу со снадобьем и сама прослежу, чтобы брат его принял. Тогда он наконец освободится от своего ужасного проклятия. И, кто знает... может, его ноги тоже исцелятся.

Сюэ-айэр, хоть и был духовным зверем с частично пробуждённым разумом, лишь непонимающе качнул головой. А Сюэ-яэр в это время с азартом носился по ветхому храму, преследуя какую-то мышь, совершенно не замечая страданий своей хозяйки.

— Сюэ-яэр! — прикрикнула Бай Мэн.

Зверёк мгновенно развернулся и со всех ног бросился к ней, с разбегу зарывшись в объятия, да так сильно, что Бай Мэн едва устояла на ногах. Она легонько щелкнула проказника по носу:

— Вечно ты несешься сломя голову.

В этот момент со двора донёсся голос маленького нищего, Мэн Цзи:

— Сестрица Бай Мэн! Сестрица Бай Мэн!

Он влетел в храм точно так же, как и Сюэ-яэр, и едва не растянулся прямо перед ней. Неловко восстановив равновесие, мальчик смущённо почесал затылок.

Бай Мэн поспешно схватила вуаль, пытаясь прикрыть лицо. После отдачи Знамени призыва душ её внешность пугающе преобразилась: кожа в уголках глаз и на висках покрылась зловещими красными отметинами, а в волосах заблестела преждевременная седина.

Будучи ученицей Пика Алой Птицы, где девушки вечно соперничали в красоте, Бай Мэн не могла смириться со своим уродством. Она боялась стать посмешищем. К тому же эти седые пряди делали её до боли похожей на младшего дядю Чжана.

— Сестрица Бай Мэн, ты ведь такая красавица, зачем тебе прятаться? — Мэн Цзи поставил перед ней ведро с водой, принесённой из ручья, и присел рядом, не сводя с неё восхищённого взгляда.

Бай Мэн горько усмехнулась:

— Какая уж там красавица...

— Да во всём! — Мальчик улыбнулся так широко, что его глаза превратились в два полумесяца.
— Ну подумаешь, пара красных пятнышек, разве они могут затмить твой лик, подобный цветку?

Бай Мэн отложила вуаль и невольно рассмеялась, прикрыв рот ладонью:

— Ну и льстец же ты, какой сладкий голосок.

— Когда ты улыбаешься, ты становишься ещё прекраснее!

Улыбка быстро сошла с лица Бай Мэн, когда её мысли вновь вернулись к Знамени призыва душ. Истребив всё семейство Чжоу, она вернула себе реликвию рода Бай. Затем она выпустила из Знамени все те души, что Чжоу Сюе поглощал и мучил на протяжении двух столетий, но, увы, их сущности были слишком истерзаны — они не могли уйти на перерождение и были обречены скитаться призрачными тенями, пока само мироздание не поглотит их.

Среди этих обрывков она надеялась найти души своих родителей, но вместо них обнаружила то, во что не могла поверить. Это была...

Душа её брата, Бай Линя.

Как такое возможно? Бай Линь оставался в Вратах Четырёх Образов, занимая пост главы Пика Чёрной Черепахи. Почему часть его духа томилась в Знамени призыва душ? Ответ пришёл не

сразу: видимо, много лет назад Знамя призыва душ поглотило частицу его сущности. Выжившая часть позволила ему существовать, но именно эта ущербность и стала причиной его «Расклада безжизненной судьбы».

Так она пыталась успокоить саму себя.

Бай Мэн обладала недюжинным умом и за месяц скитаний самостоятельно постигла секреты артефакта. Девушка поняла: если Знамя призыва душ может обращать души в оружие, то способно и исцелять повреждённый дух. Вот только... чтобы создать пилюлю восстановления, требовалось сорок девять человеческих жизней.

За вычетом тридцати шести душ клана Чжоу ей не хватало ещё тринадцати.

Бай Мэн кусала губы от досады, что так поспешно выпустила из Знамени призыва душ пленённых призраков. Останься там хотя бы пара десятков, ей не пришлось бы ломать голову над решением.

По пути в Тунлин она была одержима этой целью. Рассудок помутился настолько, что в один из таких моментов она очнулась, обнаружив, что собственными руками задушила невинного лавочника.

Бай Мэн тогда рухнула на землю, пусто взирая на свои ладони. Она не могла в это поверить. Раньше ей доводилось убивать, но то были злодеи, а этот человек... он просто хотел перекинуться с ней парой слов, и погиб лишь потому, что её разум застлала Тьма.

Закрыв лицо руками, она зашлась в беззвучных рыданиях. Она никогда не думала, что станет чудовищем.

«Брат... Брат, ты ведь простишь меня, правда?» — безнадежно шептала она.

Но где-то в глубине души она знала: Бай Линь никогда бы её не простил.

Однако за первой жертвой последовала вторая. Прежде чем достигнуть Тунлина, она оборвала жизни ещё тринадцати беззащитных людей, собрав необходимую жатву из сорока девяти душ.

Она собственноручно отреклась от пути праведности. Возможно, ей стоило ещё тогда, в Ордене Истребления Бессмертных, последовать за Чжан Чжунъянем и пасть во Демоничество. Тогда, быть может, ей было бы легче найти оправдание своим грехам.

— Сестрица, о чём ты задумалась? — Голос Мэн Цзи вырвал её из бездны воспоминаний.

Бай Мэн обернулась:

— Что случилось?

— Сюэ-яэр погнался за Сюэ-айэр на улицу, я боюсь, как бы они не потерялись, — мальчик сделал вид, что высматривает зверьков во дворе, хотя оба понимали, что он просто ищет повод заговорить.

Бай Мэн проследила за его взглядом: духовные звери весело резвились во дворе. Она внезапно почувствовала облегчение. В этой мирной картине была какая-то целительная простота, заставившая её впервые за долгое время расслабиться.

Но покой был недолгим. В дверях Храма Небесной Девы показался мужчина. На вид ему было лет двадцать с небольшим, лицо — самое заурядное. Бай Мэн приняла его за обычного путника, ищущего ночлега, не подозревая, что этот человек станет её концом.

Заметив девушку, путник масляно улыбнулся и подошёл ближе:

— Красавица, раз уж судьба свела нас здесь, не назовёшь ли своё имя?

Бай Мэн лишь окинула его холодным взглядом и, проигнорировав вопрос, позвала Мэн Цзи в боковой придел. Мальчик скорчил незнакомцу рожу и поспешил за сестрицей.

— Сестрица Бай Мэн, держись от него подальше. У него на роже написано, что он задумал недоброе! — уверенно заявил Мэн Цзи, как только они скрылись с глаз путника.

Бай Мэн потрепала его по волосам:

— Я знаю.

Мальчик кивнул и, вытащив из-за пазухи несколько плодов, заботливо протёр их краем своей ветхой рубахи. Счастливый, он протянул их девушке:

— Сестрица, это снежные плоды, редкость в Тунлине! Я сегодня случайно нашёл их и оборвал всё дерево для тебя. Ешь!

— А ты? — спросила она.

Мэн Цзи сначала кивнул, но тут же замотал головой:

— Нет-нет, я один уже съел втихаря, пока шёл. Эти — тебе.

Бай Мэн с улыбкой взяла два плода, а остальные вернула:

— Ешь сам, тебе нужнее.

— Да я их постоянно ем! — буркнул Мэн Цзи, всучив плоды ей в руки, и поспешно убежал в дальний угол придела, где и уселся на пол.

Бай Мэн, тронутая его заботой, спрятала снежные плоды.

После недолгого молчания она вдруг произнесла:

— Знаешь... я ведь тоже родом из Тунлина. Но мне было всего четыре года, когда я уехала. Совсем не помню, каким был этот город.

Мэн Цзи тут же оживился:

— А почему ты уехала? Семья решила перебраться в другое место?

Бай Мэн почувствовала невыносимую горечь.

— Нет у меня больше семьи... Только брат остался. И ради него я готова даже жизнь отдать.

— Знаешь, сестрица, у каждого ведь своя судьба. Не стоит жить ради кого-то другого.

Бай Мэн невольно рассмеялась, глядя на него:

— Мал ещё, а туда же — поучать вздумал. Откуда в тебе столько мудрости?

— От сказителей в чайных лавках набрался, — хмыкнул мальчик, чеша затылок.

Бай Мэн вспомнила о проклятии Бай Линя и непроизвольно взглянула на зажатую в руке пиллюлю. Оставалось переработать последнюю душу. Как только этот путник уйдет, она втайне от Мэн Цзи закончит снадобье. Ей полюбился этот мальчишка, и она всерьёз подумывала забрать его с собой во Врата Четырёх Образов, чтобы он стал учеником Бай Линя.

Сумерки сгустились. Бай Мэн зажгла несколько ламп, и их тусклое, печальное сияние казалось призрачнее самого лунного света.

Сюэ-яэр уже спал под боком у Мэн Цзи, развалившись кверху брюшком. Сюэ-айэр же, превозмогая дремоту, сидел рядом с хозяйкой, не сводя с неё глаз. Бай Мэн погладила его:

— Иди спи. Я ещё подожду, вдруг тот человек всё-таки решит уйти.

Зверёк тихонько заскулил и улегся у её ног, но глаз так и не сомкнул. Его ушки чутко вздрагивали при каждом шорохе, доносившемся снаружи.

Поднявшись, Бай Мэн прильнула к щели в старой двери, ведущей в главный зал. Мужчины там уже не было. Она осторожно вышла, огляделась по сторонам — ни тени, ни звука. Сердце немного успокоилось. Бросив взгляд на мирно спящего с Сюэ-яэр мальчика, девушка приготовилась поглотить последнюю душу прямо здесь, в главном зале.

Это была душа зрелой красавицы-заклинательницы. Будучи духовным заклинателем, она сохранила часть сознания даже после смерти. Призрак то дрожал от страха перед Бай Мэн, то принимался осыпать её проклятиями, обвиняя в убийстве невинных и разорении домов.

Бай Мэн, которой опостытели её крики, начала стремительно концентрировать духовную энергию в ладонях. Она уже извлекла Знамя призыва душ, собираясь наполнить его силой, чтобы сплавить дух с пилюлей, как вдруг главные двери храма со скрипом распахнулись.

Тот путник вернулся!

Увидев Знамя призыва душ и парящий призрак женщины, он замер. Он замер, охваченный смесью ужаса и дикого восторга. Вскинув руку, он направил поток черного, зловещего ветра в сторону Бай Мэн, прерывая её технику, и истошно закричал:

— А-Юань! —

<http://bllate.org/book/17529/1698142>